

Н. Bielefeldt**Принудительное вступление в брак и мультикультурное общество**

Н. Bielefeldt. Zwangsheirat und multikulturelle Gesellschaft. Anmerkungen zur aktuellen Debatte. Essay No.2, Oktober 2005. Deutsches Institut für Menschenrechte. S. 4 – 10.

Перевод Шеметова Г.А.

В данном фрагменте речь идет о гендерном аспекте проблемы соотношения либеральной модели прав человека и мультикультуралистской политики различия на примере событий в современной Германии. Предлагаемый текст может рассматриваться в качестве конкретизации размышлений, предложенных Х. Билефельдом в работе «Philosophie der Menschenrechte. Grundlagen eines weltweiten Freiheitsethos» (Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1998).

1. Принудительное вступление в брак как политическая тема.

С принудительным вступлением в брак как проблемой, релевантной для Германии, до недавнего времени занимались почти исключительно лишь специалисты науки, социальной практики и соответствующие специализированные неправительственные организации*. Между тем, эта ситуация изменилась. Предметом широкого внимания средств массовой информации тема стала, прежде всего, с весны 2005 года. Поводом была смерть молодой жительницы Берлина из курдской семьи, Хатун Сюрцу, которая освободилась от вынужденного брака и стала жертвой так называемых «убийств чести»**. В последствии дело дошло до общественной дискуссии о принудительных бракосочетаниях, патриархальных представлениях о достоинстве полов и авторитарных структурах семьи, как они существуют, в особенности, в некоторых средах мигрантов. Публикации книг к проблеме, в первую очередь, такие, которые были составлены потерпевшими женщинами, с тех пор вызывают сильный интерес***. Кроме того, с некоторого времени интенсивнее этой тематикой занимаются политические партии и парламенты****.

* Ср. TERRE FEMMES (изд.). Принудительное вступление в брак. Пожизненно для чести. Тюбинген, 2002.

** Хатун Сюрцу была застрелена 7 февраля 2005 года с самого близкого расстояния на открытой улице, вероятно, одним или несколькими ее братьями. К моменту написания данного текста уголовный процесс еще не был закрыт. О проблеме так называемых «убийств чести» см.: TERRE FEMMES (изд.). Честь как мотив преступления. Тюбинген, 2004.

*** См., например: Ф. Блейзер. Месяц Хенны. Вупперталь, 1999; С. Цилели. Мы – ваши дочери, но не ваша честь. Михельштадт, 2002; С. Атес. Великое путешествие в огонь. Берлин, 2003; Н. Келек. Чужая невеста. Сообщение изнутри турецкой жизни в Германии. Кельн, 2005; Инци И. Задушенная в вашей лжи. Рассказывает турчанка в Германии. Мюнхен, 2005; А. Хирзи Али. Я обвиняю. Защитник освобождения исламской женщины. Мюнхен, 2005.

**** Высказывания по этому поводу находятся, к примеру, в предвыборных программах СДПГ и ХДС/ХСС для выборов в Бундестаг в 2005 году. Незадолго до выборов в Бундестаг Бундесрат представил проект закона о борьбе с принудительным вступлением в брак. См.

Большее общественное внимание к проблеме принудительных бракосочетаний было давно назревшим. В конце концов, речь идет о нарушениях прав человека, с которыми нельзя мириться в свободном обществе. Принудительные бракосочетания нарушают, очевидно, право на свободу вступления в брак, закрепленное во Всеобщей декларации прав человека Организации Объединенных Наций 1948 года (статья 16, абзац 2), в Международном пакте о гражданских и политических правах 1966 года (статья 23, абзац 3), а также в Соглашении о ликвидации всех форм дискриминации женщины 1979 года (статья 16, абзац 1); это право находится в Европейской конвенции по правам человека (статья 12), а также в части основных прав Конституции (статья 6, абзац 1). «Рабочая группа по современным формам рабства», которая существует уже 30 лет в рамках «Подкомиссии по содействию и защите прав человека», с недавних пор тематизирует принудительное вступление в брак как современное выражение рабства*, касающееся, в первую очередь, женщин, но также совершенно и мужчин.

Поэтому для государства и общества ставится задача предотвращать принудительное вступление в брак и соответственно создавать и улучшать конкретные возможности освобождения для заинтересованных лиц. Это требует множества мероприятий, к примеру, совершенствования предложенных совещаний и защитных учреждений, применения уголовного права, реформ с целью усиления правового статуса заинтересованных лиц, а также усилий в школьном и внешкольном образовании. Необходимыми являются, кроме того, исследования, которые служат расширению до сих пор недостаточной информации о причинах, формах проявления и масштабах принудительных бракосочетаний, для того, чтобы повышать шансы для успешной работы по предотвращению и вмешательству.

При общественной тематизации принудительного вступления в брак дебатам подвергается также самопонимание общества как «мультикультурного общества». Давно уже является несомненным то, что задают тон скептические голоса в отношении мультикультурализма о политических границах лагеря. Они простираются вплоть до речей защитников, отказывающихся от концепта мультикультурного общества, о котором некоторые утверждают, что он потерпел неудачу.

Также острой принципиальной критике концепт мультикультурного общества подвергают некоторые из недавно появившихся публикаций о принудительной чести. Они усматривают в нем причину для многолетнего игнорирования большинством сообщества авторитарных структур, как они существуют в части миграционного населения. Таким образом, упрек в отношении политических пропагандистов мультикультурного общества

проект закона о борьбе с принудительным вступлением в брак и лучшей защите жертв принудительного бракосочетания. Проект закона Бундесрата. Немецкий Бундестаг 15 избирательного периода. Печатное издание 15/5951 от 11 августа 2005 года.

* Ср.: Report of the Working Group on Contemporary Forms of Slavery, E/CN.4/Sub.2/2005/39, vom 5. August 2005. S. 6.

заключается в том, что они разделили бы ответственность за такие противоправные практики, как принудительные бракосочетания, которые были бы допущены либо безмолвно некритично, либо даже как выражение «права на различие». Н. Келек критикует мультикультурализм следующими словами: «Критика чужих культур является политически некорректной. Так как каждая культура признается в качестве обогащения. Даже если она санкционирует такие варварские практики как принудительное вступление в брак или убийство чести. Для меня это блаженство заканчивается там, где не уважаются права человека»^{*}.

Предлагаемый текст преследует стремление в противовес утверждениям о фундаментальных противоречиях между правами человека, с одной стороны, и мультикультурным обществом, с другой стороны, *удержать вместе* оба концепта. При этом должны приниматься во внимание критические запросы в отношении идеи мультикультурного общества. Келек, без сомнения, права, когда подчеркивает, что права человека формулируют также *границы толерантности* и предполагают готовность к *критике авторитарных культурных практик*. Как это стало совершенно ясно на примере принудительного бракосочетания, эмансипирующее требование прав человека является несовместимым с безоговорочным мультикультурализмом. Исходя из этого ознакомления, было бы, тем не менее, проблематичным отвергнуть концепт мультикультурного общества с точки зрения прав человека. Поскольку права человека заложили высвобождение плюрализма – и также культурного плюрализма, – они остаются одновременно связанными с защищаемым самоопределением людей. Поэтому вместо того, чтобы отказаться от концепта мультикультурного общества, рационально определить этот концепт – с самого начала многозначный – более точно.

Принципиальное разъяснение отношения прав человека и мультикультурализма является предметом главы II. Цель состоит в том, чтобы спроектировать первоначально *свободолюбивый концепт мультикультурного общества*, который рассматривает культурное разнообразие не как самоцель, но ориентируется на равноправное самоопределение людей и в этом отношении коренным образом отличается от романтических культурных представлений, также частично излагающихся под именем мультикультурализма. Центральный тезис данной статьи заключается в том, что такая свободолюбивая программа мультикультурализма предоставляет лучшие шансы для открытия пути к преодолению принудительного вступления в брак, нежели это было возможно в рамках политики форсирования культурной ассимиляции.

В главе III необходимо затем обратиться к нескольким важным различиям, которые часто не рассматриваются в актуальных дебатах о проблеме принудительного бракосочетания. Речь идет о том, чтобы взломать замкнутую идентификацию патриархального кодекса чести с исламом с целью рассмотреть возможности эмансипации внутри и вне религиозного контекста и, наконец, учесть различие между вынужденными и организованными по

^{*} Келек. С. 12

соглашению браками. Эти различия представляют не только теоретический интерес. Скорее, они служат практической цели расширять шансы для предотвращения принудительных вступлений в брак, и поэтому должны также рассматриваться при формулировании политико-правовых и педагогических мероприятий*. Выступления завершаются несколькими краткими заключениями (глава IV).

II. Права человека и мультикультурное общество.

1. Высвобождение культурного плюрализма.

Права человека образуют основные политико-правовые нормы существования в современном плюралистическом обществе. Возникшие как ответ на структурные опыты бесправия, они ставят под особую правовую защиту те индивидуальные и социальные *основные свободы*, которые должны *равным образом* относиться к каждому человеку, так как без них не является возможным достойный человека и определенный им самим образ жизни. Идея человеческого достоинства, чье историческое происхождение прослеживается вплоть до источников различных религий и философий, находит в правах человека – и это является новым – также свое политико-правовое признание. «Неприкосновенность» достоинства каждого человека, внимание к которому и защита которого признается Конституцией, манифестируется в постулате о «неприкосновенных и неотчуждаемых правах человека как основы каждого человеческого общества, мира и справедливости в мире» – формулировке, которую приняли составители основного закона утвержденной в декабре 1948 года Всеобщей декларации прав человека ООН.

Эмансипирующая направленность прав человека подразумевает высвобождение многообразия человеческих убеждений, смысловых ориентаций, жизненных путей и укладов. Поэтому ориентированное на права человека свободное общество в религиозном, мировоззренческом и культурном отношениях всегда будет плюралистическим обществом. Это имеет еще большее значение в условиях современных движений переселенцев. В последние десятилетия они вели к чрезмерному расширению плюрализма в Германии и других европейских обществах, которые развивались с недавних пор в направлении мультикультурных обществ.

Политическое оформление мультикультурного сосуществования, прежде всего, требует, чтобы в самом широком смысле слова государством уважались и гарантировались права людей на культурные свободы**. Соответствующей является, в этой связи, в первую очередь, религиозная свобода, которая на уровне персональной свободы вероисповедания и свободы совести охватывает

* Сильная фокусировка на исламе в главе III обязана тому факту, что общественные дебаты в Германии в значительной степени подчинены представлению о принудительном вступлении в брак как об исламском феномене. В усилиях превосходить это приписывание все-таки не перестают заниматься темой ислама.

** В дальнейшем понятие культуры используется в широком смысле, в результате чего оно включает, например, также религии и мировоззрения. Причина для этого словоупотребления состоит в том, чтобы избегать сквозного применения двойных наименований (таких как «мультикультурное и мультирелигиозное общество»).

внешне видимые манифестации религиозно или мировоззренчески ориентированного образа жизни*. Также всеобщие права личности** включают культурные аспекты образа жизни, в том числе заботу о языке происхождения. Кроме того, наконец, специфические права культурных меньшинств Германия обязалась соблюдать посредством ратификации международных конвенций***.

То, что люди выражают свои религиозные или нерелигиозные убеждения в частном или публичном порядке, что их жизнь для самих себя и в сообществе с другими оформляется в соответствии с их убеждениями, что они заботятся о своих религиозных, культурных и языковых традициях и передают их следующим поколениям, является, следовательно, их естественным правом. Плюралистическое общество, которое признает свободу людей по вопросам религиозного, мировоззренческого и культурного самоопределения, поэтому будет всегда в условиях современной миграции также мультикультурным обществом. В этом смысле существует позитивная связь между правами человека и мультикультурализмом.

2. Границы возможного плюрализма.

Заложенное в правах человека высвобождение мультикультурализма, требует, конечно, более подробного определения. Так как предметом признания прав человека, более точно, являются не религиозные убеждения и традиции или культурные формы жизни как таковые. Непосредственными носителями притязаний в области прав человека являются, скорее, люди, которые посредством уважения и защиты прав человека испытывают индивидуальное и совместное *самоопределение*. Только *косвенно*, а именно сообщая о притязании на свободное самоопределение людей, религиозные убеждения и практики и, соответственно, культурные формы жизни и традиции вообще оказываются в фокусе рассуждений о правах человека.

Культурное многообразие в контексте прав человека не является самоцелью, но следствием необходимого *признания свободного самоопределения*, которое охватывает также в самом широком смысле слова «культурные» измерения образа жизни (такие как религия, язык, жизненный

* Безоговорочно гарантирующиеся права человека в статье 4 Конституции придают свободе религиозного выбора особенно высокий статус в немецком законодательном порядке. Кроме того, она закреплена в Европейской конвенции о правах человека (статья 9), а также в Международном пакте о гражданских и политических правах (статья 18).

** Статья 2 Абзац 1 Конституции.

*** Гарантирующиеся культурные права меньшинств в европейской рамочной конвенции о защите национальных меньшинств имеют отношение, в соответствии с официальной интерпретацией ФРГ, только к традиционным автохтонным меньшинствам – лужичанам, датчанам, фризам, синти и румынам – и не достигли в этом плане никакого большого значения для актуального немецкого спора о миграции и интеграции. Формулируемая в Международном пакте о гражданских и политических правах статья о защите меньшинств (статья 27), является в соответствии с пониманием Юридического комитета ООН по правам человека, напротив, принципиальной для переселившихся в последнее время религиозных, культурных и языковых меньшинств. См. Немецкий институт по правам человека (изд.). «Общие комментарии» к договорам ООН по правам человека. Немецкий перевод и короткое введение. Баден-Баден, 2005. С. 97 и на сл. стр.

уклад и т.д.). Этой ориентацией на свободное самоопределение концепция прав человека в мультикультурном обществе отличается от романтических культурных представлений, которые многократно обозначаются понятием мультикультурализма – в этом отношении всегда уже многозначным. Поэтому развивающийся в соответствии с правами человека мультикультурализм должен также принимать во внимание права индивидуальных «нарушительниц» и «нарушителей границ». К ним относятся, например, религиозные диссидентки и диссиденты, меньшинства внутри меньшинств, отстраненные, принявшие другую веру, личности с мультиплицированными и неопределенными идентичностями или также люди – в особенности женщины – чей образ жизни не соответствует религиозным или культурным коннотациям традиционных представлений о чести.

В противоположность культурному романтизму, который посвящает себя цели сохранения культурных традиций и оказывается, порой, слепым относительно возможных авторитарных структур внутри таких традиций, эмансипирующее притязание прав человека содержит *потенциал критики культуры*. В действительности, осуществление прав человека с самого начала было обусловлено конфликтами – в том числе также культурными конфликтами. К примеру, католическая церковь вплоть до 20 столетия оказывала сопротивление свободе вероисповедания, которая в большинстве папских документов осуждалась как заблуждение современности. В результате продолжительных внутрицерковных и теологических дискуссий католическая церковь официально признала свободу вероисповедания на Втором Ватиканском Соборе (1962 – 1965). В исламском контексте столкновения по поводу свободы вероисповедания имеют место до сегодняшнего дня*.

Равноправие полов относится к особенно конфликтным требованиям прав человека. Оно находится не только в противоречии с патриархальными представлениями о ценностях, как они сформировались в традициях различных религиозных сообществ; также силы европейского Просвещения долгое время с трудом осуществляли равноправие полов**. В соответствии с требованием прав человека государства обязаны принимать активные меры против всех форм дискриминации женщины и влиять на реализацию фактического равноправия. Они должны использовать все имеющиеся в распоряжении мероприятия, «для того, чтобы способствовать переменам в социальных и культурных манерах поведения мужчины и женщины, чтобы достигнуть таким образом устранения предубеждений, а также традиционных и прочих представлений о слабости или превосходстве одного или другого пола, или основанного на практике стереотипного распределения ролей между мужчиной и женщиной» (статья 5а Соглашения о ликвидации всех форм дискриминации женщины).

* В совокупности ср.: Й. Швартлендер (изд.). Свобода религии. Христианство и ислам под притязанием прав человека. Майнц, 1993.

** Ср.: Х. Шредер. Женщины рождены свободными. Тексты к эмансипации женщин. Т. 1: 1789 – 1870. Мюнхен, 1979.

Универсальное значение прав человека исключает, что при помощи ссылки на культурное самопонимание или традиции могут оправдываться недостатки в осуществлении норм прав человека. Возможное посредством прав человека высвобождение плюрализма – также культурного – не имеет в этом отношении безоговорочного значения. Скорее, ориентация на равноправное самоопределение людей образует не только *основание*, но и одновременно *границу* легитимного культурного плюрализма.

Где эта граница точно проходит, нельзя установить изначально во всех подробностях и может быть во многих случаях спорным. То, что принудительные вступления в брак лежат по ту сторону этой границы, что они не могут оправдываться исходя из позиции прав человека от имени культурного разнообразия или также допускаться, тем не менее, без сомнения, установлено точно. Поскольку вынужденное вступление в брак означает отказ от свободного самоопределения в центральной области персонального образа жизни. Кроме того, оно влечет за собой, в большинстве случаев, дальнейшие нарушения прав человека: так, пострадавшие женщины сообщают, что они испытали вынужденную супружескую жизнь как серию изнасилований и вместе с тем как нарушение их права на телесную и душевную целостность. Впоследствии это могло доходить также до серьезного нанесения вреда в плане права на здоровье. Не в последнюю очередь опасность состоит в том, что образовательные права женщин в принудительном браке остаются ограниченными*.